

Халина Вятр

Творчество Льва Толстого для детей

Studia Rossica Posnaniensia 15, 79-89

1980

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ХАЛИНА ВЯТР

Познань

ТВОРЧЕСТВО ЛЬВА ТОЛСТОГО ДЛЯ ДЕТЕЙ

Один из современных критиков детской литературы писал: „Среди великих людей, если они не были профессиональными педагогами, никто не уделял столько внимания детям, как Л. Н. Толстой”¹. И это действительно правда. Толстой всегда любил детей, общение с ними играло огромную роль в его жизни еще до женитьбы. Он с нетерпением ожидал появления на свет ребенка своей сестры². Живя на Кавказе Толстой подолгу играл в разные игры с мальчиками, детьми казаков, потом занимался с племянницами и племянниками, а с началом семейной жизни дети — игры с малыми детьми и воспитание детей подрастающих — заняли первое место после писательства и отношений к жене³. Последний секретарь Толстого В. Ф. Булгаков записал слова, перекликающиеся со всем творчеством и всей жизнью писателя: „Лев Николаевич любил повторять, что если бы ему дали выбирать: населить землю такими прекрасными людьми, каких только можно себе вообразить, но только чтобы детей не было, или же самыми обыкновенными людьми, но с постоянно прибывающими в мир детьми, то он бы выбрал последнее”⁴.

И поэтому детям, в течение всей его жизни „наиболее любимым существам”⁵, писатель отдал много радостного труда. Произведения Толстого, вошедшие в круг детского чтения или написанные специально для детей, создавались им на протяжении всей жизни и имели огромное значение не только в становлении реалистического направления в детской литературе XIX века, но и в определении собственного творческого метода.

¹ См. С. Кормилов, *Все сделаются муравейными братьями*, „Детская литература” 1978, № 9, стр. 59.

² См. Н. Н. Гусев, *Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год*, Москва 1963, стр. 34.

³ Там же.

⁴ См. С. Кормилов, указ. соч., стр. 63.

⁵ Э. Зайденшнур, *Для наиболее любимых существ*, „Детская литература” 1978, № 9, стр. 63.

Лев Николаевич Толстой вошел в русскую литературу в 50-ые годы как автор *Детства* и *Отрочества*, повестей, которые издавались специально для детей с 1856 года, печатались отдельными главами в хрестоматиях, в приложениях к детским журналам, и сыграли исключительную роль в развитии детской литературы в России. Раскрывая психологию ребенка, Толстой разрушал все рутинные представления о детях. В детской литературе впервые появился простой живой ребенок, по-своему реагирующий на окружающий мир. Писатель образно показывает, что уродливая среда калечит психику и мировоззрение ребенка, а здоровая — оказывает благотворное влияние на него. В центре внимания своего раннего творчества Толстой поставил актуальные вопросы современности — воспитание молодого поколения. Всем своим идейным содержанием повести о детстве противостоял основным тенденциям реакционной педагогики. Вскрывая всю негодность существующей системы воспитания, бездушного, унижающего человеческого достоинство, ибо в ребенке писатель видит прежде всего человека, он противопоставляет ей свой идеал, в котором особое место отводится любящей матери (а не наемным воспитателям). Отвергая насилие, подавление воли как средство воспитания Толстой выдвинул идею простого свободного воспитания в атмосфере любви и взаимопонимания. Ребенок, как мы это видим на примере Николеньки Иртеньева, сам воспитывает себя и писатель верит, что он справится с этой задачей. Семья, воспитатели должны только любить дитя.

„Любовь”, „любить” — являются ключевыми словами повести *Детство* и автор начинает ее прямо с объяснения в любви — „Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминания о ней”. Следует помнить, что слова эти писал сравнительно молодой человек — значит это не старческая сентиментальность, а искреннее сожаление о чистоте чувства, невинной веселости и беспредельной потребности выражать свои заветные чувства.

Таким остался Толстой на всю жизнь и такими были его взрослые (положительные) герои. „Взгляд ребенка, — говорит К. Кедров —, в конечном итоге есть взгляд самого Толстого. Вряд ли возможно определить, насколько в действительности соответствуют детской психологии переживания Николеньки. Скорее всего Толстой наделяет ребенка нравственным чутьем взрослого, духовно зрелого человека. Но Толстой не ошибается, что истоки этого чувства могут быть либо в детстве, либо вообще никогда. Не ошибается Толстой, когда утверждает доминирующую роль детских впечатлений в формировании духовных ценностей человека”⁶.

Тема и пафос детства — одна из важнейших во всем творчестве писателя. Проверка на детство — великая привилегия искусства — используется им в самой полной мере⁷. В момент нравственного прозрения герои Толстого

⁶ К. Кедров, *Возвращение детства*, „Детская литература” 1978, № 9, стр. 15.

⁷ См. В. Гусев, *Детство не боится правды*, „Детская литература” 1978, № 9, стр. 25.

открывают в себе ребенка. Они слышат свой детский голос и обретают высшую духовную зрелость. „Как скучен был бы наш мир без этих голосов, — говорит писатель. Они всегда напоминают человеку его постоянную полузабытую мечту о добром и справедливом мире”⁸. Почти в каждом крупнейшем его произведении образ ребенка занимает большое место. Толстой проявляет себя в них глубоким знатоком психологии ребенка, рисует обаятельные и прелестные в своей детской наивности и непосредственности характеры. Вспомним прекрасную, излюбленную художниками-иллюстраторами сцену в *Воине и мире*, когда распахиваются двери и является группа детей, подростков, во главе с неугомонной Наташей, непрерывно символизирующей собой правду и красоту, и добро человеческого младенчества, свободы и счастья. Петя Ростов грезит и мечтает, как Николенька Иртеньев, о романтических подвигах; деятельное чувство любви отличает Таню Облонскую; искренностью чувства и восприятия наделен Сережа Каренин и дети в *Воскресении*. Толстой начинает с детства и кончает детством; Толстой молодой, сам почти юный, пишет о детях и Толстой старый, умудренный не только своим природным гением, умом, но и сложным жизненным и житейским опытом, возвращается к детству⁹.

Первые повести писателя, озаглавленные в издании „Современника” — *История моего детства*¹⁰, оказали огромное влияние на развитие автобиографического жанра в детской литературе. Вслед за ними появились *Святки* М. Михайлова, *Детские годы Багрова внука* С. Т. Аксакова, повести Воронова (*Мое детство, Моя юность*) и наконец *Бурса* Н. Помяловского, резко отличающаяся мрачное, полное унижений и истязаний, детство детей демократических кругов. Повести Толстого были толчком для развития этого жанра и в реакционной детской литературе, например идиллические жизнеописания Ростовской — *Сельцо Лебяжье*, Сысоевой и Желиховской. С Толстым, с революционными писателями они стремились спорить теми же средствами, если не художественной, то беллетристической литературы. Таким образом, вызвав к жизни этот жанр, Толстой породил и своего рода дискуссию в литературе.

История моего детства имела огромное значение и для собственного творчества Толстого для детей. Образ ребенка занимает центральное место в отделе для русского чтения *Азбуки* (*Филипок, Как я испугался грозы, Пожар, Котенок, Девочка и грибы* и т.д.)

В 50-ые же годы в детское чтение вошли и *Севастопольские рассказы*, что вполне согласовывается с принципиальными взглядами Толстого на характер чтения для детей. Он неоднократно высказывал мысль о необходимости зна-

⁸ См. К. Кедров, указ. соч., стр. 18.

⁹ В. Гусев, указ. соч., стр. 25.

¹⁰ См. А. П. Бабушкина, *История русской детской литературы*, Москва 1948, стр. 345.

комить детей с политическими и историческими событиями, учить их настоящему патриотизму.

И вот в крикливую бретерскую военную литературу, как пишет Бабушкина, „ворвался правдивый и трезвый рассказ об истинном героизме, развенчивающий честолюбие и хвастовство дворянства и показывающий простой, беспретензионный героизм народа”¹¹.

И если основной мыслью, ключом, в автобиографических повестях Льва Толстого была „любовь ко всему окружающему миру”, то в *Севастопольских рассказах* он впервые поставил перед собой задачу показать своим читателям „правду жизни”. В военных рассказах писателя дети нашли реалистическое, мастерское описание самой войны, всех ее бед и ужасов, и потрясающее изображение страданий народа, особенно трогательного драматизмом своей горькой судьбы. Таким образом *Севастопольские рассказы*, перешедшие в детское чтение, означали не только идейный переворот в детской военной литературе, но и решали вопросы ее специфики. Как и повесть о детстве, они оказали большое влияние на развитие детской литературы, замыкая первый этап воздействия Толстого на русскую детскую литературу.

Второй этап творчества Льва Толстого для детей относится к началу семидесятых годов и тесно связан с его педагогической деятельностью, продолжавшейся по существу около полувека. Еще очень молодым человеком, в 1849 году, он начал занятия с крестьянскими детьми в Ясной Поляне. Служба в армии и литературная работа отвлекли его на некоторое время от педагогической деятельности, но уже в 1859 г. он открывает в своем имении школу, сам в ней учит, а в последствии (январь 1872 г.) привлекает к преподаванию своих детей — девятилетнего Сережу, семилетнюю Таню и даже пятилетнего Илью¹². Заключительным звеном его педагогических исканий была статья *О религиозном воспитании*, написанная в 1899 году.

С первых же месяцев работы в яснополянской школе возникло затруднение: что же давать читать детям. Специальная детская литература того времени не удовлетворяла Толстого. Он не нашел в них произведений, которые были бы доступны детям для чтения с „интересом и пониманием”, развивали литературный вкус и помогали в разрешении нравственных сомнений¹³. Суждения писателя о современной детской литературе были резки и бескомпромиссны. Он подвергал суровой критике даже рассказы из *Детского мира* Ушинского, считая, что они дают „мнимые знания”, понятия в них малы

¹¹ О том, что рассказы о войне (отрывки из *Войны и мира* и *Севастопольские рассказы* прочно вошли в детское чтение с полной уверенностью заявляет Бабушкина и в доказательство приводит выборочную библиографию произведений Толстого для детей. См. А. П. Бабушкина, указ. соч., стр. 344 - 345, 361.

¹² См. Н. Н. Гусев, указ. соч., стр. 41.

¹³ См. Э. Зайденшнур, указ. соч., стр. 64.

и узки, написаны они гладким литературным, пустым, чуждым народу языком¹⁴.

В поисках соответствующих книг Толстой пошел своим путем, отбирая для учеников материал по собственному усмотрению, проверяя опытом доступность детям различных книг. Одновременно с журналом „Ясная Поляна” издавались в виде приложения книги *Ясная Поляна*, в состав которых входили прежде всего приращения народного творчества. А с осени 1871 года писатель приступил к осуществлению своего замысла о составлении книг для детского чтения, задуманных под общим заглавием *Азбука*.

Созданию произведений для детей предшествовало глубокое изучение художником запросов, интересов и языка крестьянских ребят. Для работы над *Азбукой* Толстой привлек обширный фольклорный материал, как русский, так и иностранный (арабский, индийский, персидский), а также литературные источники (басни Эзопа, сказки Ш. Перро и Г. Х. Андерсена), использовал тексты летописей и исторические предания¹⁵.

Искания продолжались полтора десятилетия (14 лет). Толстой прочитал груды книг и рукописей. В результате упорной творческой работы им было написано 629 произведений. Из них 133 — на естественно-научные темы. В *Азбуке* напечатано 373 рассказа. Писатель придавал огромное значение работе над языком отдельных рассказов. Он по несколько раз переделывал и переписывал свои произведения¹⁶. Своеобразной опытной лабораторией являлись яснополянская школа и журнал „Ясная Поляна”, где создавались, часто совместно с крестьянскими детьми, и печатались первые специальные для детей из народа рассказы, повести и сказки.

О своей работе Толстой так писал А. А. Толстой: „Гордые мечты мои об этой азбуке вот какие: по этой азбуке только будут учиться два поколения русских всех детей, от царских до мужицких, и первые впечатления поэтические получают от нее и что, написав эту азбуку, мне можно будет спокойно умереть”¹⁷.

Что же представляла из себя книга, которой Толстой придавал такое значение и которой уделил столько времени и внимания?

Цель ее, по словам самого автора заключается в том, чтобы „служить руководству при обучении чтению, письму, грамматике, славянскому языку для русских учеников всех возрастов и сословий и представить ряд хороших статей, написанных хорошим языком”¹⁸.

Азбука состоит из четырех частей, сброшюрованных в одну книгу. На

¹⁴ См. А. П. Бабушкина, указ. соч., стр. 369.

¹⁵ См. *Детская литература*, под ред. А. В. Терновского, Москва 1977, стр. 135.

¹⁶ Е. Брандис, *Лев Толстой читает Жюль Верна...*, „Детская литература” 1978, № 9, стр. 35.

¹⁷ См. Н. Н. Гусев, указ. соч., стр. 57.

¹⁸ Там же.

титульном листе находится обозначение: „Книга I”, что свидетельствует о намерении Толстого продолжать работу по составлению учебных книг для детей. Порядок расположения материала во всех четырех книгах одинаковый — каждая из них состоит из четырех частей (отделов).

Первый отдел содержит материал для чтения школьников; второй состоит из материалов на церковнославянском языке; третий носит название „Счет”; четвертый отдел, озаглавленный „Для учителя”, дает методические указания пользующимся *Азбукой* как учебным пособием.

Мы не ставим перед собой цели — анализировать подробно содержание всех четырех отделов. Это задача отдельного обширного обзора.

Следовало бы однако обратить внимание на материал для русского чтения, к которому Толстой предъявлял самые высокие, художественные и моральные требования. В каждой из четырех книг *Азбуки* материал для чтения на русском языке расположен в порядке возрастающей трудности усвоения содержания, усложнения стиля и языка. Точно также каждая книга является подготовительной по отношению к следующей. Литературный материал расположен по одному и тому же жанровому плану, притом обращает внимание огромное разнообразие жанров, использованных автором.

От пословиц, поговорок и загадок, предлагаемых писателем на начальном этапе обучения грамоте, он постепенно переходит к миниатюрным, в несколько строк, рассказам. Основная часть для чтения начинается с басен. Басни Толстой переводил и в большинстве переделывал с греческого подлинника, прежде всего с Эзопа. Использование определенных форм и литературных жанров являлось выражением его нравственных взглядов и позиций. Писатель, например, не соглашался с некоторыми педагогами, утверждавшими, что дети не любят дидактику в баснях и рассказах. „Я не согласен, — писал он в статье *Об общественной деятельности на поприще народного образования*, — чтобы дети не любили мораль, они любят мораль, но только умную, а не глупую”¹⁹. И поэтому „в баснях Эзопа, помещенных Толстым в его *Азбуке*, порицаются и осмеиваются: глупость, безрассудство, несообразительность, тупость и закоснелость, легкомыслие, беспечность, эгоизм (...). Поощряются и восхваляются: ум, сметливость, благоразумие, трудолюбие, скромность, товарищество, дружба, честность, правдивость, смелость, бескорыстие, любовь к свободе”²⁰. Для правильного решения педагогических задач Толстой требовал от учителей, чтобы ученики „передавали не только самое содержание басни, но и тот общий вывод, который, по их понятиям, вытекает из басни”²¹.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ *Азбука*. В кн.: Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, кн. 1, Москва 1957, стр. 173. В дальнейшем все цитаты из *Азбуки* по этому изданию.

Следующим литературным жанром, использованным Толстым в *Азбуке*, были сказки, обработанные на основании сборников Афанасьева и Худякова, а также классиков — Андерсена, Перро, братьев Гримм и др. Включение сказок являлось также своеобразной полемикой с противниками этого жанра в детском чтении, как „задерживающего развитие детей”, формирующего „грубые инстинкты” и т.п. Толстой считал, что сказка — это источник народной мудрости и помещал их в *Азбуке* прежде всего с целью выработать способность усвоения и передачи всех подробностей сложного действия. Они, подобно басням, заключали в себе некоторую „мораль” и сообщали ученикам сведения, расширяющие их умственный кругозор.

Наряду со сказками в отделе русского чтения находился целый ряд рассказов. Среди них выделяются „были”, в основу которых положен действительный случай и собственно рассказы, являющиеся произведениями творческой фантазии писателя. Особенными достоинствами отмечаются два самых больших по размерам: *Кавказский пленник* и *Бог правду видит, да не скоро скажет*.

Толстой был также создателем научно-популярных произведений для детей. И в этом жанре проявилось его огромное мастерство. Вместо длинных и скучных статей писатель обращается к „описаниям”, „рассуждениям”, занимательным историям, живым ответам на детские вопросы, например: *Отчего потеют окна?*, *Для чего ветер?* *Отчего в мороз трещат деревья?* и т.д.

Все эти статьи написаны по одному плану. В них рассказываются хорошо известные детям явления и объясняются причины этих явлений.

Широк тематический диапазон научно-популярных статей, помещенных Толстым в *Азбуке*. Они знакомят читателя с физическими явлениями, химией, географией, астрономией. Сообщение каких бы то ни было знаний должно, по убеждению Толстого, служить также развитию умственных способностей ученика. И, педагог по призванию, он советовал учителям руководствоваться следующим правилом: „Вообще давайте ученику как можно больше сведений и вызывайте его на наибольшее число наблюдений по всем отраслям знания; но как можно меньше сообщайте ему общих выводов, определений, подразделений и всякой терминологии. Сообщайте определение, подразделение, правило, название — только тогда, когда ученик имеет столько сведений, что сам в состоянии проверить общий вывод, — когда общий вывод не затрудняет, а облегчает его”²².

В числе статей предназначенных для *Азбуки* находилось много рассказов о жизни животных и птиц, в которых Толстой старался внушить детям мысль о целесообразности устройства организма животных и функций этих организмов, раскрыть психические свойства зверей, помогающие им отстаивать свою жизнь в борьбе за существование. К таким произведениям относятся: *Русак*, *Заяц* и *гончая собака*, *Лев* и *собачка*, семь тематически связанных между

²² Там же, стр. 182.

собой рассказов о двух собаках, Бульке и Мильтоне. Это были первые, как утверждает Н. Н. Гусев, в русской детской литературе художественные рассказы из жизни животных²³.

Много прекрасных поэтических произведений посвятил писатель описанию жизни растений, в которых почти одушевляет растительный мир. Это такие рассказы, как: *Как ходят деревья, Черемуха, Старый тополь, Яблони* и др.

Отдел русского чтения во всех четырех книгах *Азбуки* заканчивается русскими народными былинами о Святогоре, Сухмане, Вольге и Микуле. Былины Толстой составлял по нескольким спискам, пополняя один другим и излагая „правильным русским стихом”. „Правильность” эта заключалась в том, что в каждой былине стих подведен был под один определенный ритм, принципы которого изложены в четвертом отделе „Для учителя”²⁴.

Центральное место в былинах занимает образ Микулушки Селяниновича, который, по мнению автора, является олицетворением земледельческого труда, выражением силы и мощи трудового крестьянства. В *Азбуке* вообще восхваляется всякий физический труд. Толстой не упускает случая полюбоваться силой, ловкостью и выносливостью русского крестьянина. Эта особенность сказалась в языке, каким написана книга. В рассказах *Азбуки* много слов, относящихся к земледельческому труду и к жизни деревни, описаний красоты русской природы и уважения к крестьянину-труженику.

Большое количество сюжетов, намеченных для разработки в *Азбуке*, не получило осуществления. Содержание этих тем очень разнообразно. Были тут и исторические рассказы, и темы по ботанике, по естественным и физико-математическим наукам, минералогии, физиологии человека и т.п. Преобладали однако темы бытового характера, как например: „Села, пашни”, „Как я ездил на кумыс”, „Богачи купцы” и др.

В одном из писем А. А. Толстой писатель сообщал: „Эта азбука одна может дать работы на сто лет. Для нее нужно знание греческой, индийской, арабской литератур, нужны все естественные науки, астрономия, физика, и работа ужасная над языком”²⁵.

И работой своей, поглотившей столько времени и сил, Толстой был очень доволен. „Такой *Азбуки* не было и нет не только в России, но и нигде! И каждая страничка ее стоила мне больше труда и имеет больше значения, чем все те писания, за которые меня так незаслуженно хвалят”²⁶ писал Толстой.

Азбука вышла в свет в ноябре 1872 г. Издавая ее Толстой знал, что учебная книга, противоречившая установившимся литературным и педагогическим канонам, вызовет соответствующее негодование. Но действительность пре-

²³ См. Н. Н. Гусев, указ. соч., стр. 85.

²⁴ *Азбука*, кн. 1, стр. IV.

²⁵ См. Н. Н. Гусев, указ. соч., стр. 41.

²⁶ См. Э. Зайденшнур, указ. соч., стр. 68.

взошла ожидания автора замечательного произведения. „Особенности книги, — пишет Н. Н. Гусев, — до такой степени раздражили и присяжных педагогов и литературных критиков, что вследствие их резко неодобрительных отзывов даже и первое издание *Азбуки* не пошло”²⁷. Толстой был огорчен и озадачен. Он говорил: „Если б мой роман потерпел такой неуспех, я бы легко поверил и помирился, что он нехорош. А это я вполне убежден, что *Азбука* моя есть необыкновенно хороша, и ее не поняли”²⁸.

Неудача не обезоружила Толстого. Он переработал свою книгу и в 1875 году вышла *Новая азбука* и отдельно *Русские книги для чтения* в четырех частях. Содержание в них осталось то же самое, но не сохранилось то стройное расположение рассказов с постепенным нарастанием трудностей, о чем так заботился писатель. *Новая азбука* была одобрена и рекомендована для школ. При жизни Толстого она была издана несколько раз и переводилась на языки народов России.

Издание *Новой азбуки* и *Русских книг для чтения* подытоживает второй период включения великого писателя в развитие русской литературы для молодого читателя.

Приведенные выше факты убедительно свидетельствуют о том, что творчество для детей было важной и неотъемлемой частью писательской деятельности Толстого и предметом особого внимания. Известно также, что и в 900-е годы писатель серьезно задумывался над незавершенным, к сожалению, „Детским кругом чтения”²⁹.

Заслуги Толстого в области литературы для детей по истине огромны. Его произведения „сыграли исключительную роль в формировании русской детской литературы 60-х годов, а начиная с 70-х годов были определяющими вехами ее развития. (...) В детской литературе нет рассказов, равных его рассказам по лаконичности формы, по колоритности образов, по динамичности сюжетов, по эмоциональности, по классическому народному языку”³⁰: Детские произведения Толстого, — читаем в статье Константина Кедрова, — „это не просто произведения для детей и о детях. В них чувствуется стремление увидеть в глубине философских и нравственных проблем жизни их первозданную детскую ясность и чистоту”³¹.

Творческая работа Толстого в области детской литературы сыграла важную роль и в эволюции творческого метода писателя. Здесь мы находим попытку автора *Войны и мира* писать новым для него, народным языком. В этом отношении особое значение имела повесть *Кавказский пленник*. В письме

²⁷ См. Н. Н. Гусев, указ. соч., стр. 97.

²⁸ Там же, стр. 106.

²⁹ См. Э. Зайденшнур, указ. соч., стр. 64.

³⁰ См. А. П. Бабушкина, указ. соч., стр. 344.

³¹ См. К. Кедров, указ. соч., стр. 16.

к Н. Н. Страхову писатель называл ее лучшим своим произведением, потому что, по его мнению, именно здесь ему удалось наиболее естественно использовать лучшие художественные средства народной поэтики³². По справедливому замечанию Б. М. Эйхенбаума, *Кавказский пленник* — это вовсе не подражание фольклору, а этюд, художественная задача которого состоит в чистоте и простоте рисунка, в четкости линий, в ясности и элементарности сюжета. (...) Впервые у Толстого рассказ построен на самых событиях, на самом сюжете — на самом простом интересе к тому, чем дело кончится”³³.

Кавказский пленник особенно нравился и самому автору *Азбуки*. В трактате *Что такое искусство?* а также в устных беседах он выделяет этот рассказ из всего ранее им написанного и причисляет его к произведениям „всемирного искусства”³⁴. Толстой неоднократно говорил, что все свои дальнейшие произведения он хотел бы писать так, как написан *Кавказский пленник*.

LEO TOLSTOY'S WORKS FOR CHILDREN

by

HALINA WIATR

Summary

In the article the author discussed Leo Tolstoy's works devoted for children. The great writer's interest in this field of literature was not accidental. It was already in the fifties, or at the beginning of his literary career, that he included fragments of his works in the writings devoted to young readers. In this way to the children's hands were given *Childhood*, *Boyhood Years* and *Sevastopol Stories*.

The second period of interest in the young reader are the seventies and is connected with the paedagogical activity of the writer. At the time was written the famous *Azбука* on which Tolstoy worked for about fourteen years. Within this work the author included more than 300 stories and readers systematized in one of the sections of the book. This section included proverbs, puzzles, fables, bylinas (ancient Russian epic folk songs) and stories of various popularized scientific subjects.

As a source material Tolstoy used folk Russian works and folklore of other nations (among other things Arabic and Perrain).

Tolstoy's work, to which the author attached importance, great importance, was published in 1872. However, it did not have due appreciation, in this connection Tolstoy published in 1875 a new version entitled *The New Azбука*. It closes the second period of literary activities for young readers. The fruit and the crowning of this period was one of the stories in *Azбука* which the author considered to be the most perfect with respect

³² См. *Детская литература*, под ред. А. В. Терновского, указ. соч., стр. 140.

³³ Б. М. Эйхенбаум, *Лев Толстой. Семидесятые годы*, Ленинград 1960, стр. 83.

³⁴ См. Н. Н. Гусев, указ. соч., стр. 74.

of style and which was to serve as a model for the further literary activity. This was the story *The Caucasian captive*.

The final period of Tolstoy's activity in the field of literature for children and pedagogical literature falls to the 90s and brings his opinion *On religious education* (1899)..